

УДК 94

ББК 63.3(0)53

Германо-османский альянс и пропаганда джихада: между вымыслом и реальностью (1914–1918)**С.А. Шерстюков*

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The German-Ottoman Alliance and the Propaganda of the Jihad: between Fiction and Reality (1914–1918)*S.A. Sherstyukov*

Altai State University (Barnaul, Russia)

Обращения к религиозному (псевдорелигиозному) языку и символам были характерны для всех участников начавшегося в 1914 г. глобального конфликта. Они позволяли придать межгосударственному противостоянию новое, «сакральное» измерение и одновременно историческую глубину. Это происходило в условиях размывания границ между религиозным и нерелигиозным и являлось проявлением того, что сегодня описывается как процесс сакрализации политики и политизации религии.

Довольно часто, однако, речь шла не о возвращении к традиции, а, если пользоваться определением Эрика Хобсбаума, ее изобретении. Элементы подобного изобретения традиции можно найти в османском Великом джихаде, пропаганда которого в годы войны станет одной из важнейших задач не только для османов, но и для их немецких союзников. Последние увидели в исламе «новое оружие», которое можно обратить против своих врагов. Оформлению подобной стратегии способствовало много причин, среди них — сложившиеся к тому времени в Европе способы восприятия и описания ислама и мусульман, подъем панисламизма и значительное число мусульманских подданных у главных противников Германской империи (России, Великобритании и Франции).

Пропаганда джихада не принесла результатов, на которые рассчитывали немцы, однако спустя столетие после окончания Первой мировой войны эта грань германо-османского сотрудничества продолжает оставаться предметом изучения и серьезных дискуссий среди исследователей.

Ключевые слова: пропаганда, джихад, панисламизм, Первая мировая война, османы, немцы.

DOI 10.14258/izvasu(2018)5-30

The appeal to religious (pseudo-religious) language and symbols was characteristic of all participants of the global conflict which began in 1914. They allowed giving the interstate confrontation a new, "sacred" dimension and, at the same time, historical depth. This happened in the conditions of blurring the boundaries between the religious and non-religious, and was a manifestation of what is now described as the process of sacralization of politics and the politicization of religion. Often, however, there was not a return to tradition, and if to use Eric Hobsbaum's definition, but it's invention. Elements of a similar invention of the tradition can be seen in Ottoman "Great jihad" which promotion in the years of war will become one of the major tasks not only for Ottomans, but also for their German allies. Germans have seen in Islam "new weapon" which can be turned against their enemies.

The formed in Europe by that time ways of perception and description of Islam and Muslims, the rise of Pan-Islamism and a significant number of Muslim subjects among the main opponents of the German Empire (Russia, Britain and France) made such a strategy attractive in their eyes.

The efforts of the Germans and the Ottomans to promote Jihad did not yield the results they expected, but one hundred years after the end of the First World War, this aspect of German-Ottoman cooperation continues to be the subject of study and serious discussions among researchers.

Key words: propaganda, Jihad, Pan-Islamism, World War I, Ottomans, Germans.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00052 «Немецкая пропаганда на Ближнем Востоке: от Германской империи к Третьему рейху (1914–1945)».

1 декабря 1806 г., прибыв в польский город Познань, Наполеон отправил письмо османскому султану Селиму III, в котором он предлагал правителю Османской империи выступить совместно с Францией против России. Позднее Наполеон приказал одному из своих министров, Камбасересу, перевести на турецкий и арабский языки бюллетень Великой армии и подготовить специальный памфлет, текст которого нужно было распространить в Османской империи. В напечатанной в 1807 г. в Париже брошюре османский муэдзин, от имени которого был написан памфлет, призывал османских мусульман проснуться, восстановить мужество и начать войну с Россией, с тем, чтобы вернуть территории, когда-то принадлежавшие Османской империи. Мусульманам предлагалось обратиться к одному из сокровищ, которое всемогущий бог укрыл для них — французской дружбе и поддержке Наполеона — героя, которого бог послал, чтобы спасти его страну и изменить условия в других странах [1, р. 100–101]. В этой брошюре, написанной по приказу Наполеона, использовались приемы, логические ходы и риторические конструкции, к которым спустя более чем сто лет, в годы Первой мировой войны, будет обращаться пропаганда Германской империи на Ближнем Востоке и в мусульманском мире в целом (а позднее, в годы Второй мировой войны, — пропаганда Третьего рейха).

Наполеон не смог создать коалицию с османами, немцы в 1914 г. не только заключили союз с Портой, но и на протяжении всей мировой войны осуществляли совместно с ней пропаганду, в центре которой находился призыв мусульман к джихаду. К настоящему времени опубликовано значительное число исследований, посвященных немецкой и османской пропаганде в отдельных странах и в мусульманском мире в целом, роли в ее планировании и осуществлении европейских ориенталистов, реакции на эту пропаганду Великобритании, России и Франции и другим темам [2]. Степень немецкого участия в османском джихаде при этом оценивалась по-разному и вызывала споры среди исследователей. Данная статья посвящена изучению некоторых аспектов османско-немецкого сотрудничества в сфере пропаганды, а также того, как представляли себе пропаганду джихада (и какое место отводили ей в своих планах) немецкие дипломаты, ориенталисты и военные, как они оценивали ее итоги в ходе войны и сразу после ее завершения.

К началу XX в. большая часть стран и территорий, на которых проживали мусульмане, находилась под прямым или непрямым контролем европейских империй. Однако парадоксальным образом, по мере укрепления и расширения европейского господства в мусульманском мире, в сознании европейских колонизаторов появлялись все новые опасения и стра-

хи, связанные с исламом. Возникает, в частности, страх того, что однажды европейские державы могут столкнуться не с отдельными мусульманскими восстаниями, а с глобальным «панисламистским» восстанием, которое положит конец европейскому колониальному господству [3, р. 389].

Этот страх питали утвердившиеся в сознании европейцев представления о «фанатичности» мусульман, появление и рост популярности панисламизма, а также политика Османской империи, лидеры которой с 1870-х гг. обращались к панисламизму в попытке обеспечить выживание османского государства [4, р. 203].

В 1889 г. либерал Фридрих Науманн уже предсказывал, что в случае войны «халиф Константинопольский еще раз поднимет знамя священной войны. Большой человек в последний раз встанет, чтобы громко прокричать в направлении Египета, Судана, Восточной Африки, Персии, Афганистана и Индии: «Война против Англии!». Весьма важно знать, кто поддержит его на его кровати, когда он произнесет этот крик!» [3, р. 391].

С одной стороны, более или менее успешные попытки операционализации религии можно встретить на протяжении всего «длинного» XIX в., с другой — XIX в. принято считать веком нарастающей секуляризации — процесса, который затронул и Османскую империю. Однако вряд ли можно оценивать события, развернувшиеся в начале XX в. на Ближнем Востоке, Балканах, в Северной Африке, в которых огромную роль (часто определяющую) играли европейские державы, с точки зрения постепенного ослабления влияния религии.

Религии не просто не уходили со сцены истории, но и иногда занимали новые пространства или, как казалось, отвоевывали когда-то утраченные позиции. Религии играли большую, иногда недооцениваемую роль во всех проектах строительства нации — в том числе в тех случаях, когда их строительство происходило в ядре империи. Религии оказывались незаменимым инструментом при проведении границ между сообществами своих и сообществами «других» (внутренних и внешних), позволявшим обратиться к выработанным в рамках каждой религиозной традиции практикам консолидации верующих и способам критики иноверцев.

С потерей балканских владений и сокращением территории Османской империи, которая включала теперь преимущественно мусульманских подданных, произошло то, что исследователь Хасан Кайали описывает как «исламистское переосмысление оттоманизма». В результате младотурки «стали полагаться на религию в их поисках централизации и социальной гармонии, так же, как это делал их заклятый враг Абдулхамид» [5, р. 179]. Этот парадоксальный на первый взгляд пример идеологической эволюции

младотурок демонстрирует, как происходившие в империи процессы (в данном случае — процесс «сжатия» империи) могли не только способствовать приходу к власти в империи новых сил, но и зачастую определяли логику их действий вне зависимости от первоначальных устремлений этих сил.

Германская империя, ее дипломаты, военные и бизнесмены в течение нескольких десятилетий, предшествовавших Первой мировой войне, сделали многое для упрочения немецкого присутствия в Османской империи и внесли определенный вклад в ее модернизацию. Тем не менее, когда в начале Первой мировой войны перед Берлином возник вопрос о заключении военного союза с Османской империей, идея и перспектива этого союз казалась привлекательной не всем немецким деятелям. Посол Германии в Стамбуле барон Ганс фон Вангенгейм и генерал Лиман фон Сандерс, глава германской военной миссии, считали, что османы будут больше бременем, нежели полезным союзником как в дипломатическом, так и в военном отношении [6, с. 43]. На подписании соглашения с османами в тот момент настоял лично Вильгельм II. Относительная военная слабость Османской империи компенсировалась в глазах части немецких руководителей тем положением, которое занимала Османская империя и ее формальный руководитель — султан-халиф — в мусульманском мире, и надеждами использовать это положение в военных целях Германии.

Человеком, который преобразовал смутные представления о восстаниях мусульман в разных странах в план «глобального» джихада, был немецкий археолог и дипломат Макс фон Оппенгейм.

Будучи непримиримым противником Британской империи, Оппенгейм был одним из первых, кто предложил использовать дружбу Германии с мусульманским миром как «новое оружие» против британцев [6, с. 48]. Сблизившись с Вильгельмом II во время знаменитой поездки немецкого кайзера на Ближний Восток и неоднократно встречаясь с ним впоследствии, он донес до кайзера свои взгляды на ислам и мусульманский мир. Когда в августе 1914 г. началась война, по предложению Оппенгейма в Берлине было создано так называемое Агентство восточных новостей («Бюро джихада»), которое должно было заниматься панисламской пропагандой во французской Северной Африке, российской Центральной Азии и в британских колониальных владениях, прежде всего в Индии [6, с. 48]. Ожидалось, что результатом этой пропаганды станут восстания и бунты мусульман в этих регионах, а также дезертирство солдат мусульманского вероисповедания, служивших в российской, британской и французской армиях.

В 1915–1916 гг. в Малой Азии и Восточной Аравии по инициативе Оппенгейма была откры-

та сеть из 70 редакций и корреспондентских служб [7, с. 41]. Сотрудничество с немцами, в ходе которого происходила передача технологий и опыта, позволило вывести на новый уровень и османскую пропаганду. Под влиянием немцев, использовавших кино для пропаганды внутри страны и открывавших с теми же целями кинозалы в Османской империи, Энвер-паша в 1915 г. распорядился создать Центральный отдел военного кино — структуру, ставшую основой османской (а впоследствии турецкой) киноиндустрии. Подаренные немцами османам военные самолеты использовались в том числе для разбрасывания листовок над позициями врагов.

Пропаганда была частью, хотя и весьма важной, более широкой стратегии, предусматривавшей наступательные действия османских войск (в сторону Египта, а также на Черном море), работу с националистами и националистическими движениями колонизированных стран, а также стран, находившихся в зависимости от европейских держав, прежде всего Афганистана и Персии, направление специальных миссий, организация мятежей и восстаний в разных частях мусульманского мира, снабжение инсургентов деньгами и оружием и ряд других мероприятий.

Подчеркивая важность союза с османами, Оппенгейм, тем не менее, полагал, что они не способны самостоятельно, без немецкой помощи, организовать и осуществлять эффективную пропаганду. «Турецкая пропаганда, — писал он, — должна быть централизована в Константинополе, но постоянно руководиться и поддерживаться немецкой стороной, однако, разумеется, делать это надо таким образом, чтобы турки думали, что немцы являются только дружественными советниками, и так, чтобы они по-прежнему могли рассматривать себя как ее настоящие творцы и распространители» [8, с. 123].

Эти слова Оппенгейма остались скорее пожеланием — хотя сотрудничество двух сторон в сфере пропаганды осуществлялось, оно никогда не укладывалось в описанную немецким дипломатом модель. Тем не менее идея о том, что Османская империя не является самостоятельным игроком, и что за ее призывом к джихаду (и за ее пропагандой, направленной на мусульман) стоит Германия, стала одной из определяющих для антиосманской пропаганды Великобритании и Франции. Эта идея закрепилась в лаконичной, хотя и странно звучащей формуле голландского исламоведа Христиана Снук Хюргронье — джихад «made in Germany».

Ключевой фигурой немецко-османских отношений накануне и в годы Первой мировой войны являлся военный министр и один из руководителей Османской империи Энвер-паша, приложивший немало усилий для заключения военного союза с Германской империей. Впоследствии его обвинят в том, что он втянул империю в войну, закончившую-

ся для нее поражением и коллапсом. Однако в 1914 г. исход войны не был ясен, а союз с Германской империей являлся в тот момент дипломатической победой османов, позволившей Османской империи выйти из международной изоляции и получать от Берлина на протяжении всей войны финансовую, экономическую и военную помощь [9, р. 196]. Другое дело, что османы надеялись, используя преимущества союза с немцами, как можно дольше оставаться вне войны, что, естественно, совершенно не соответствовало стратегии немцев в отношении Османской империи.

Поскольку немцы возлагали большие надежды на инструментализацию джихада, джихад становится предметом обсуждения и торга между османами и немцами. Призыв к джихаду не только влек за собой множество последствий, не все из которых могли принести пользу османам и их союзникам, но и был связан с рядом трудностей, в частности, он должен был носить избирательный характер, так как Османская империя выступала в союзе с одними европейскими державами против других европейских держав. Обращая внимание именно на это обстоятельство, Энвер накануне вступления Порты в войну сказал Вильгельму II, что объявление джихада было бы неблагоразумным, и предложил вместо этого, чтобы султан-халиф призвал поднять восстание всех мусульман, находившихся под властью британцев, французов и русских. Как полагает исследователь Мустафа Аксакал, Энвер в это время не выступал против объявления джихада, но эксплуатировал одномерное понимание джихада (как оружия, которое можно было активизировать по сигналу султана-халифа) Вильгельмом II [9, р. 196].

14 ноября 1914 г. шейх-уль-ислам Османской империи Угрюплю Мустафа Хайри Эфенди выступил с пятью фетвами, в которых объявил Великий джихад России, Англии и Франции, а участие в нем индивидуальной обязанностью «по всей земле живущих мусульман» [10, s. 3]. Особое внимание акцентировалось на том, что «обязанностью всех мусульман, которые находятся под властью этих правительств, является также присоединиться к джихаду и поскорее напасть на них» [10, s. 3]. Напротив, «борьба против высокого исламского правительства и поддерживающих его Германии и Австрийской империи, объявлялась большим грехом, заслуживающим мучительного наказания» [10, s. 3].

С двумя обращениями выступил и султан-халиф Мехмед Решад, в одном из которых он объявил, что Османская империя находится в состоянии войны с Россией, Францией и Англией, а в другом, предназначенном армии и флоту, призвал солдат броситься как львы на врага, «потому что не только существование нашей империи, но и жизнь и будущее трехста миллионов мусульман, которых я в свя-

щенной фетве призвал (к Великому джихаду. — С.Ш.), от вашей победы зависит» [10, s. 9]. Энвер как представитель верховного командования также обратился с воззванием к армии. Речь Энвера, в которой он призвал солдат к жертвенному мужеству, была наполнена отсылками к исламу и «славным предкам».

Частью публичного сценария в день объявления джихада стали торжественные шествия и выступления официальных лиц перед посольствами Германской империи и Австро-Венгрии в Стамбуле.

В своей речи, произнесенной перед посольством Германии, доктор Назим-бей, один из лидеров партии «Единение и прогресс», выразил удовлетворение тем, что Германская и Австро-Венгерская империи вступают в войну против общего врага вместе с Османской империей и исламским миром: «Его величество император Германии во время его посещения Иерусалима сказал, что он является другом и помощником трехста миллионов мусульман, проживающих на земле. Теперь серьезность этих слов подтверждается действиями. Так или иначе османская армия, участвуя в войне вместе с героическими немецкой и австрийской армиями, защитит права трехста миллионов мусульман. На это народу мы надежду даем» [11, s. 102].

Эти мероприятия, которые должны были продемонстрировать общественный подъем и солидарность мусульман, откликнувшихся на призыв халифа, произвели двойственное впечатление на немцев и австрийцев, которые являлись одновременно и их участниками и наблюдателями. И те и другие, однако, вряд ли догадывались, что адресатами этого действия с элементами театрализации не в меньшей степени, чем османская публика, являлись они сами.

Позднее, в октябре 1915 г., спустя почти год после торжественного провозглашения шейх-уль-исламом и султаном-халифом джихада врагам Османской империи, на протяжении которого османская и германская пропаганда не раз призывала мусульман к восстанию, Энвер высказал скепсис по поводу эффективности этих призывов. Вангенгейм сообщал в своей телеграмме, что «Энвер рекомендует отказаться от пропаганды священной войны или от принесения присяги» [12, L 367758]. Вангенгейм изложил также видение Энвером перспектив восстаний в мусульманских странах против Антанты, упомянув среди них и Кавказскую Грузию, «где российское влияние давно и глубоко укоренилось», поэтому у местных движений мало шансов: «Если турецкая армия в страну придет, будут люди охотно идти. А до тех пор они будут сохранять спокойствие, так как боятся русских» [12, L 367758]. Такая же ситуация была, по мнению Энвера, в Индии, Египте и Тунисе. Напротив, в Персии и Афганистане шансы для восстаний оценивались им как благоприятные. «Как

только здесь вопрос о оружии решится, можно надеяться на избавление от британского и российского влияния, — отмечалось в документе [12, L 367758]. Благоприятными возможностями для осуществления восстаний представлялись одному из османских лидеров также в Бенгази, Триполи и Марокко. Поэтому Энвер предлагал как можно быстрее доставить много ружей в Марокко и упорядочить финансирование сопротивления в Бенгази и Триполи [12, L 367758–367759].

Вряд ли данная позиция Энвера объясняется тем, что он сомневался в эффективности джихада, к нему и исламской солидарности он мог апеллировать и без немецкой помощи. Немцев он рассматривал как источник оружия и денег, и убеждал их в том, что помощь тем и другим гораздо эффективнее призыва к «священной войне».

Энвер впервые увидел и смог оценить мобилизующие возможности ислама во время войны с итальянцами в Ливии, в которой он принял участие. Энвер был женат на племяннице императора Мехмеда V, оказавшись в Ливии, с удивлением осознал, какое влияние на арабов он приобрел благодаря этому [6, с. 25]. «Настроение арабов растет изо дня в день. Неожиданное прибытие родственника халифа произвело на них большое впечатление...», — писал Энвер в то время [13, s. 12]. «Удивительно, что я могу назначать так просто губернаторов. Но я делаю это только как зять султана и посланник халифа, отдающий приказы... Мои родственные связи с династией имеют для меня здесь огромное значение. Арабы не знают Энвер бея, так называемого «Героя свободы», или даже майора генерального штаба Энвер бея; они уважают зятя халифа, который султана здесь представляет» [13, s.15]. Однако опыт ливийской кампании показал Энверу не только то, что можно достичь многого с ограниченными ресурсами, но и то, что в условиях дефицита ресурсов невозможно победить.

Идеи, транслируемые Энвером осенью 1915 г., были созвучны настроениям, постепенно возобладавшим в немецких военных и дипломатических кругах. Надежды немцев на «глобальное» восстание мусульман или, в крайнем случае, на многочисленные локальные восстания, разделявшиеся многими из них в начале войны, сменились к 1916 г. разочарованием и потерей веры в пропаганду джихада. О неэффективности этой пропаганды немецкие дипломаты и военные писали в конце войны и после ее окончания почти так же единодушно, как до войны выражали веру в ее силу.

Лиман фон Сандерс в своих мемуарах, изданных в 1919 г., назвал несколько причин, по которым надежды турецкого правительства (и Германии тоже, хотя он прямо не пишет об этом) повлиять на мусульман во всем мире через призыв их к «священ-

ной войне» были обмануты. Он полагал, что в одних случаях этот призыв оказался не нужен («Для глубоко религиозных анатолийских солдат, — писал он, — не было необходимости в священной войне; они и без этого храбро и доверчиво шли на смерть за своего падишаха» [14, s. 48]), а в других — не действовал (в частности, Лиман заметил, что «священная война не могла устранить глубоко укоренившиеся противоречия между арабами и турками» [14, s. 48]).

Признавая неудачу объявленной Турцией «священной войны», Лиман, тем не менее, считал, что в продолжавшемся противостоянии Турции с европейскими державами ислам может сыграть гораздо более значимую роль: «Теперь никакие союзные христианские государства больше не помогают Турции как тогда (в годы Первой мировой войны. — С.Ш.), что делало с самого начала неправдоподобной сильную, вовне выходящую деятельность ислама. Теперь для Турции речь идет только о христианских врагах, и это может привести к последствиям, которые, по-видимому, не были должным образом оценены Антантой» [14, s. 50].

Немецкий ориенталист и дипломат Карл Шабингер также писал в своих воспоминаниях, что он «в то время (в 1914 г. — С.Ш.) и позже не много ожидал от «священной войны»» [15, s.108].

Взгляд, согласно которому усилия немцев, а также их османских союзников, направленные на инструментализацию ислама, потерпели неудачу, был принят и большинством западных исследователей. Однако, если рассматривать влияние ислама на участников глобального конфликта не с точки зрения несбывшихся немецких планов, а в более широком контексте, то выводы не будут такими однозначными. В годы войны происходили восстания мусульман (правда, самое крупное из них, поднятое в июне 1915 г. шерифом Мекки Хусейном, было направлено против Османской империи), а также акты неповиновения и дезертирства в мусульманских подразделениях Британии и Франции, иногда — под воздействием османо-немецкой пропаганды. Еще более важно, что на протяжении всей войны (и даже после ее окончания) в правящих кругах Великобритании, России и Франции существовали страхи и опасения по поводу лояльности их мусульманских подданных, которые непосредственным образом влияли на принимаемым ими политические и военные решения. Юджин Роган в своей прекрасной работе «Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920» показывает, как опасения того, что мусульмане откликнутся на османский призыв к джихаду и страх потерять престиж в мусульманском мире заставляли Великобританию все сильнее втягиваться в войну на Ближнем Востоке.

Не следует недооценивать мобилизующий потенциал ислама ни до 1918 г., когда Османская империя на протяжении почти четырех лет противостояла трем сильнейшим державам, ни после указанного

года, когда Мустафа Кемаль возглавил движение сопротивления, в основе идеологии которого находилась скорее религиозная, чем этническая или национальная идентичность [16, p. 32].

Библиографический список

1. George M. Haddad A Napoleonic Arabic Fragment of Anti-Russian Propaganda in the Ottoman Empire // *The Muslim World*. — V. 71, № 2. 1981. (DOI:10.1111/j.1478-1913.1981.tb03431.x).
2. Jihad and Islam in World War 1: Studies on the Ottoman Jihad on the Centenary of Snouck Hurgronje's «Holy War Made in Germany». Edited by Erik-Jan Zürcher. — Leiden, 2016.
3. Lüdke T. Strange Fronts, Strange Wars: Germany's Battle for "Islam" in the Middle East during the First World War, and British Reactions // Joachim Bürgschwentner, Matthias Egger, Gunda Barth-Scalmani, eds., *Other Fronts, Other Wars? First World War Studies on the Eve of the Centennial*. Brill, 2014.
4. Khalid A. Pan-Islamism in Practice. The Rhetoric of Muslim Unity and its Uses // Elisabeth Özdalgaed. *Late Ottoman Society: The Intellectual Legacy*, SOAS / RoutledgeCurzon Studies on the Middle East. — L.; N.Y., 2005.
5. Raja Adal Constructing Transnational Islam: the East-West Network of Shakib Arslan // *Intellectuals in the Modern Islamic World: Transmission, Transformation, and Communication*. Edited by Stéphane A. Dudoignon, Hisao Komatsu and Yasushi Kosugi. — L.; N.Y., 2006.
6. Роган Ю. Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. — М., 2018.
7. Hagen G. Die Türkei im Ersten Weltkrieg, Flugblätter und Flugschriften in arabischer, persischer und osmanisch-türkischer Sprache aus einer Sammlung der Universität bibliothek Heidelberg eingeleitet, überstzt und kommentiert. — Frankfurt am Main; Bern; N.Y.; P. 1990.
8. Tim Epkenhans \ Max von Oppenheim Geld darf keine Rolle spielen: II. Teil, Das Dokument // *Archivum Ottomanicum*, 19 (2001).
9. Aksakal M. Holy War Made in Germany? Ottoman Origins of the 1914 Jihad," *War in History* (April 2011) 18(2). (DOI: 10.1177/0968344510393596)
10. Kriegsurkunden. Fünf Fatwas osmanischer Geistlicher zur Kriegserklärung des Kalifen // *Die Welt des Islams*. — Band III. — 1915. — Heft 1.
11. Kol M. Birinci Dünya Savaşı'nda psikolojik bir operasyon olarak Cihad-ı Ekber ilanı. İstanbul Bilgi Üniversitesi. Yüksek lisans tezi. — İstanbul, 2017.
12. Bundesarchiv. Potsdam. Auswärtiges Amt. F 62323.
13. Enver Pascha Um Tripolis: Feld-Ausgabe. Hugo Bruckmann, Verlag. — München, 1918.
14. Liman von Sanders O. Funf Jahre Türkei. B., 1919.
15. Schabiner von Schowingen, K. E. Weltgeschichtliche Mosaiksplitter: Erlebnisse und Erinnerungen eines kaiserlichen Dragomans. — Baden-Baden, 1967.
16. Aksakal M. *The Ottoman Empire* // Gerwarth R., Manela E. *Empires at War: 1911–1923*. — Oxford, 2014.